

КИТАЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ

Мэтт Ферчен

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

КИТАЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ

Мэтт Ферчен

Настоящая публикация была подготовлена при финансовой поддержке Фонда Форда.

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2017

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Разные взгляды на взаимодействие китайской экономики и геополитики	5
Неоднозначный характер влияния Китая на международное развитие и безопасность	10
На пути к пониманию политической экономики международных отношений Китая	18
Заключение	24
Примечания	25
Московский Центр Карнеги	29

Об авторе

Мэтт Ферчен — приглашенный исследователь в Центре мировой политики Карнеги-Цинхуа, где он руководит программой «Китай и развивающиеся страны». Основные темы его исследований — управление городской теневой экономикой в Китае, дебаты о «китайской модели» развития, а также экономические и политические отношения Китая и стран Латинской Америки.

Ферчен также преподает на факультете международных отношений Университета Цинхуа, где ведет курсы по международной и китайской политической экономии и китайско-латиноамериканским отношениям для студентов и выпускников.

Краткое содержание

Увеличение геополитического значения Китая и его роли в мировой экономике разделило наблюдателей на два лагеря: в первом считают, что возвышение этой страны способствует общему процветанию и миру, во втором — что Китай является агрессивной державой, исповедующей экономический меркантилизм. И та и другая точки зрения опираются на чрезмерно упрощенное представление о политической экономии международных отношений Китая. Это является следствием отсутствия новых междисциплинарных подходов как в исследованиях, так и в практической политике — всего того, что могло бы помочь объяснить, как связаны между собой экономический и геополитический аспекты подъема Китая. Анализ ошибок обеих позиций — первый шаг к лучшему пониманию того, что происходит в Китае, и конструктивному сотрудничеству с этой страной.

Конкурирующие точки зрения

- Согласно парадигме мирного развития Китая, движение по пути экономического роста будет способствовать процветанию, безопасности и стабильности как региона, так и мира в целом.
- Геоэкономическая парадигма представляет Китай меркантилистской державой, которая за счет роста контролируемой государством экономики и самоуверенных внешнеэкономических инициатив стремится увеличить свое влияние в регионе и во всем мире.
- Оба подхода предлагают чрезмерно упрощенный взгляд на сложную систему международных отношений Китая, объединяющую экономические и геополитические аспекты.
- Возникновение и существование обеих парадигм связаны с тем, что многие политики и ученые опираются только на собственные узкие специализации и ограничивают свои интересы либо сугубо экономическими темами, либо проблемами геополитики и безопасности. Признание ошибочности этих подходов и поиск новых, плодотворных решений — необходимое условие построения более конструктивных отношений с Китаем.

Понимание принципов политической экономии международных отношений Китая

- Сейчас самое подходящее время для анализа и работы с несовершенными парадигмами и их следствиями. Представив ряд масштабных

внешнеэкономических инициатив и институтов, председатель КНР Си Цзиньпин дал понять, что запущенный Китаем процесс экономического развития нацелен на достижение процветания и безопасности как в регионе, так и в мире в целом.

- Чтобы скорректировать свои точки зрения, ученые, политики и прочие специалисты-практики должны признать, что им необходимо выйти из жестких рамок своих специализаций — экономики, геополитики или сферы безопасности. Нужно искать новые пути к пониманию растущего международного влияния Китая и налаживанию взаимодействия между экономикой и политикой в целом и экономическим развитием и безопасностью в частности.
- Некоторые ученые, политики и организации уже приступили к исследованиям связей между экономикой и политикой, а также взаимного влияния экономического развития и изменений в сфере безопасности. Но многое еще может и должно быть сделано. Хорошо, если подобные исследования станут регулярными, а участие политиков и фондов — постоянным.

Введение

Приведет ли рост китайской экономики и ее взаимозависимости с экономиками других стран к усилению геополитического влияния Китая — один из важнейших вопросов XXI века. Ответ на него жизненно необходим политикам, ученым, бизнесменам и многим другим как в самом Китае, так и за его пределами.

Долговременные последствия усиления общемировой роли Китая оцениваются очень по-разному. Китайское руководство подчеркивает приверженность официально объявленному курсу мирного развития, в то время как во многих странах все большее распространение получает точка зрения, согласно которой Китай — экспансионистская держава, которая стремится за счет объемов своей экономики и ее успехов расширить свое геополитическое влияние. Взгляды на то, как следует воспринимать поведение Китая и как на него реагировать, расходятся все сильнее. Они, по сути, отражают два различных и по-своему несовершенных представления о том, как успехи китайской экономики внутри страны и за ее пределами сказываются — или могут сказаться — на могуществе и влиянии Китая в мире.

Нагляднее всего различие этих подходов, а также вероятность обострения нарастающей напряженности могут быть показаны на примере недавнего продвижения Китаем инициатив и организаций, формально призванных содействовать экономическому развитию как соседних, так и более отдаленных регионов. Масштабные проекты по финансированию и строительству завязанной на Китае инфраструктуры наземного и морского транспорта, энергетики и телекоммуникаций — такие как инициатива «Один пояс — один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — породили множество домыслов и сомнений. Отчасти потому, что пока непонятно, как в рамках своей национальной стратегии Китай может использовать новые и уже существующие связи с соседними странами и с другими регионами от Африки до Европы для увеличения своего геополитического влияния. Официальный Китай подчеркивает: участие в новых инициативах выгодно всем странам, оппоненты же утверждают, что эти инициативы дадут Китаю дополнительное средство достижения геополитических целей. Что особенно важно для соседних стран, многие из которых всерьез обеспокоены экспансией Китая в Южно-Китайском море. Однако расхождения в интерпретации недавних китайских инициатив — это только верхушка айсберга. Они отражают гораздо более глубокие противоречия в оценках и представ-

Китайское руководство постоянно подчеркивает, что его приоритет — экономическое развитие страны.

лениях о том, как международная экономико-политическая роль Китая соотносится с расширением его геополитического влияния.

Китайское руководство постоянно подчеркивает, что его приоритет — экономическое развитие, и традиционно стремится убедить соседей, Соединенные Штаты и собственное население в том, что внеш-

неполитические задачи, которые ставит перед собой Китай, служат в первую очередь интересам развития национальной экономики. Масштабные инициативы, которые с 2013 года выдвигает председатель КНР Си Цзиньпин, преподносятся как естественное продолжение внешней политики, направленной на достижение таких выгодных всем результатов, как мир и процветание в регионе и во всем мире. Китайской

парадигме мирного развития резко противопоставлена геоэкономическая парадигма: ее многочисленные сторонники за пределами Китая представляют эту страну меркантилистской державой, в которой сильная, дальновидная, авторитарная система манипулирует экономикой в целом и отдельными экономическими институтами с целью укрепления своего могущества в Китае и в мире.

Но ни та ни другая парадигма в полной мере не отражают изменение роли Китая в мире. Несмотря на увеличение веса национальной экономики и ее взаимозависимости с экономиками других стран, Китай едва ли сможет расширить свое внешнеполитическое и геостратегическое влияние, как полагают сторонники геоэкономического подхода. Также пока нет достаточных оснований для утверждений, что экономические роль и связи Китая явно и последовательно — в соответствии с парадигмой мирного развития — способствуют укреплению мира и стабильности.

Каждая из описанных систем представлений отражает и формирует не только определенный образ мысли, но и особое политическое поведение. Существование этих парадигм во многом обусловлено доминированием бюрократического и академического подходов, отделяющих экономику от политики и вопросы развития от вопросов безопасности. Узкие аналитические рамки и институциональный подход породили поверхностное, а местами и целиком неверное понимание того, насколько и как связаны объем китайской экономики, ее рост и интернационализация с общим геополитическим влиянием Китая и его воздействием на систему международной безопасности.

Необходимо признать несовершенство и ограниченность этих парадигм и подходов и задуматься о разработке комплексного метода, который позволил бы напрямую сконцентрироваться на том, что политолог Роберт Гилпин назвал «динамическим взаимодействием... между стремлением к богатству и стремлением к власти», определяющим суть эволюции роли Китая на международной арене¹. Ключевой составляющей

метода должен стать принцип рассмотрения вопросов экономического развития в тесной связи с проблемами безопасности. Сейчас для этого самый подходящий момент — Китай находится на перепутье. В стране происходят фундаментальные изменения: она переходит на новую модель экономического развития, то есть отношения Китая с мировой экономикой — и в целом с остальными государствами — будут уже другими. Кроме того, председатель КНР Си Цзиньпин стремится показать, что экономический рост страны и безопасность и стабильность в регионе и во всем мире связаны напрямую. Это идеальный момент, чтобы попытаться разобраться, что означает выход политической экономики Китая на глобальный уровень. Именно это понимание должно лечь в основу дальнейших действий. Чтобы преодолеть барьеры, установленные устаревшими системами представлений, потребуется инновационный способ мышления, а пройти этот путь помогут аналитические традиции и институциональные практики политических и академических кругов, а также гражданского общества.

Разные взгляды на взаимодействие китайской экономики и геополитики

Модель развития китайской экономики и роль Китая в мире сильно изменились за последние десятилетия. С конца 1970-х, когда начались реформы и была провозглашена политика открытости, и до самого недавнего времени экономика страны росла в среднем на 10% в год. После вступления Китая в начале 2000-х во Всемирную торговую организацию его роль в мировой экономике становилась все более значительной и заметной, и в итоге он превратился в крупнейшего участника международной торговли². Последние десять с небольшим лет растет доля Китая в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций и международном финансировании, главным образом за счет займов и финансовой помощи развивающимся странам.

При этом вопрос, как стремление к богатству соотносится у Китая со стремлением к могуществу на международной арене, вызывает все больше разногласий и споров. До сих пор не вполне понятно, сказалось или нет расширение и укрепление международных экономических связей Китая на его могуществе и влиянии в мире, а если сказалось, то как: усилило его позиции или привело к появлению новых уязвимых мест и взаимозависимостей. Два самых известных американских академических специалиста по Китаю назвали его один «хрупкой державой», а другой — «державой лишь отчасти»³, а англичанин Мартин Джейкс предсказывает, что Китай будет «править миром»⁴. Ни одно из подобных крайне общих определений не проясняет вопроса. В условиях запуска таких масштабных проектов, как «Один пояс — один путь» и Азиатский

банк инфраструктурных инвестиций, не говоря уже об общей активизации китайской экономической дипломатии, все более актуальным становится определение взаимосвязи между экономическим и политическим аспектами внешней политики Китая, в частности между вопросами развития и безопасности.

Геоэкономика

Некоторые специалисты американских и европейских аналитических центров и эксперты-геополитики пользуются термином «геоэкономика» для описания якобы давно существующей предрасположенности Китая к использованию подходов реализма и меркантилизма при выстраивании отношений между государством и экономикой, а также при выстраивании внешнеэкономической политики⁵. Трудно выбрать из множества определений этого термина наиболее общепринятое и точное, так что приведем лишь определение, которое дали два бывших высокопоставленных сотрудника Государственного департамента США в своей недавно вышедшей книге «Использование экономических рычагов для продвижения и защиты национальных интересов и для достижения геополитических целей»⁶.

Те, кто придерживается геоэкономического взгляда на внешнюю политику Китая, обычно делают основной акцент на применении китайскими властями инструментов экономической политики для достижения более общих внешнеполитических или геостратегических целей⁷. Такой подход наглядно демонстрируют работы индийского специалиста по международным отношениям Брахмы Челлани. По его словам, «стремление Китая насадить в Азии свои порядки ни для кого не секрет. Все крупные проекты, от инициативы „Один пояс — один путь“ до учреждения в Пекине Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, медленно, но верно приближают Китай к его стратегической цели — построению китаеццентричной Азии»⁸. В словах Челлани отчетливо звучит свойственная геоэкономическому подходу озабоченность тем, что Пекин использует инициативы для усиления своих политических и геостратегических позиций.

По мнению некоторых аналитиков, разделяющих принципы геоэкономической парадигмы, если стратегия Китая не будет уравновешена адекватными мерами, он упрочит свою доминирующую позицию в регионе и в значительной части третьего мира⁹. В конечном счете логика геоэкономического подхода подводит к выводу о близящемся конце экономического, политического и стратегического влияния Соединенных Штатов и их европейских союзников с последующим крахом либерального миропорядка.

Однако если приглядеться к некоторым доводам сторонников геоэкономического подхода, обнаружатся противоречащие ему и просто

неожиданные последствия углубления взаимозависимости китайской и глобальной экономик. На ряд таких противоречий указывают ежегодные доклады, которые с недавних пор выпускает Всемирный экономический форум от имени своего Совета по глобальной повестке в области геоэкономики. Название последнего доклада, «Геоэкономика с китайскими особенностями: как экономическая мощь Китая трансформирует мировую политику», предполагает, что китайская экономическая «мощь», что бы под этим словом ни понималось, конвертируется в международное политическое влияние¹⁰. В докладе уделено, разумеется, значительное место инициативе «Один пояс — один путь», наряду со ставкой на государственные предприятия, одна из целей которой — обеспечить гарантированный доступ к рынку энергетических и прочих ресурсов.

Но в докладе говорится также и о том, что результатом появления прочной региональной и глобальной экономической взаимозависимости становится не только «серьезный подрывной потенциал» Китая, но и его зависимость от мирового рынка, геополитических перемен и кризисов¹¹. Так, например, мировой финансовый кризис 2007–2009 годов обнажил зависимость Китая от спроса на его продукцию в США и Европе, а войны и нестабильность на пространстве от Ливии до Ирака показали, как непросто дается борьба за энергетическую безопасность Китаю, который все больше рассчитывает на ближневосточные и африканские поставки нефти и газа.

Увеличение внимания к геоэкономике Китая со стороны преимущественно американских и европейских исследователей и институтов¹² отражает и растущую в других частях света заинтересованность и порой озабоченность тем, что экономическая взаимозависимость с Китаем вызывает к жизни новые модели экономического и политического влияния. Так, например, вскоре после вступления в 2011 году в должность президента Бразилии Дилма Русеф заявила о намерении «преодолеть взаимодополняемость экономик», которая определяет характер торговых связей между Бразилией и Китаем, основанных на сырьевом экспорте; тем самым она косвенным образом поставила под вопрос взаимовыгодность и жизнеспособность бразильско-китайских экономических отношений¹³. В непосредственной близости от Китая, в Мьянме, в том же 2011 году правительство остановило крупный китайский проект строительства плотины — этот шаг был, судя по всему, вызван тем, что Мьянма опасалась оказаться в чрезмерной экономической и политической зависимости от громадного соседа. Экономические отношения Китая с другими крупными странами — экспортерами сырья, такими как Россия и Австралия, также сопровождаются причитаниями по поводу роста политического и геостратегического влияния Китая.

Экономические отношения КНР с крупными странами — экспортерами сырья сопровождаются причитаниями по поводу роста ее геостратегического влияния.

Независимо от того, отдают ли наблюдатели себе отчет в том, что пользуются в своих рассуждениях понятиями геоэкономики, все чаще звучат опасения, что благодаря расширению международной торговли, инвестиций и финансовых связей Китай может получить новые рычаги геополитического и стратегического влияния.

Мирное развитие

Официальная реакция Китая на обеспокоенность других стран основывается на логике выигрышной для всех парадигмы мирного развития. В официальной дипломатии и внешнеполитической риторике парадигма мирного развития описывает и легитимизирует приверженность Китая модели общемирового экономического развития, способствующего укреплению мира и стабильности на Земле. По сути, она представляет собой концептуальную модель, которая демонстрирует четкое понимание того, как экономическое развитие помогает мирно решать вопросы международной политики и безопасности, а также внутренней стабильности. В отличие от геоэкономики, концепция мирного развития исключает вероятность того, что Китай попытается за счет международной политики и внешнеполитических связей нарастить свое могущество или геостратегическое влияние. Кроме того, важное значение в парадигме мирного развития отводится представлению о Китае как о развивающейся стране, перед которой стоят те же вызовы, что и перед другими развивающимися странами.

Стратегия мирного развития была опубликована в 2011 году, но этому предшествовали почти двадцать лет размышлений о том, как лучше подать возвышение Китая, чтобы успокоить тех, у кого оно вызывает тревогу¹⁴. Некоторым доктрина мирного развития кажется новым вариантом аксиомы Дэн Сяопина, согласно которой Китаю во внешней политике следует выжидать и скрывать свои возможности, и потому воспринимается прежде всего как обоснование пассивности.

Такой взгляд не учитывает принципиальной идеи доктрины, словно бы позаимствованной из классики экономического либерализма: развитие китайской экономики зависит от мира и стабильности в регионе и в других частях света, но в то же время активное участие Китая в международной торговле, инвестициях и финансах помогает поддержанию стабильности и мира, поскольку способствует глобальному экономическому развитию. На очень похожей логике основано управление политикой и экономикой внутри Китая: экономическое развитие необходимо для поддержания социальной стабильности, которая, в свою очередь, создает условия для развития экономики. В том, что касается внешних отношений, доктрина мирного развития полна заявлений о взаимовыгодном экономическом и политическом сотрудничестве с самыми разными странами. Это отражает глубоко укорененную в Китае марксистскую тради-

цию, которая постулирует наличие связи между экономикой и политикой — как внутри страны, так и на международном уровне. При этом марксистская критика глобального капитализма, по сути, оказывается вывернутой наизнанку: вслед за марксизмом доктрина мирного развития признает, что политические результаты определяются экономическими, материальными факторами, однако в ее рамках экономические факторы приносят положительные политические результаты в виде укрепления международных мира и безопасности.

Си Цзиньпин не только не отказался от основных политико-экономических принципов парадигмы мирного развития, но и постоянно подчеркивает ее центральную роль¹⁵. Продвижение новых внешнеэкономических инициатив соответствует логике парадигмы и распространяет ее на новые направления¹⁶. Китай преподносит «Один пояс — один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в первую очередь как инициативы экономического развития, призванные связать его с ближними и дальними странами через финансирование и строительство транспортной инфраструктуры и других проектов, способствующих укреплению международных связей. Поэтому, пропагандируя эти инициативы, китайские власти, ученые и аналитики стараются делать акцент на роли Китая как движущей силы экономического развития в регионе и во всем мире.

Инфраструктурные инициативы могут выполнять и еще одну роль — аргумента в спорах и волнениях, вызванных напряжением вокруг сухопутных и морских границ, а также нестабильностью и вооруженными конфликтами в расположенных поблизости от Китая странах и регионах. Очевидно, Пекин в рамках своей внешней политики пытается с помощью этих инициатив выстроить взаимовыгодную политико-экономическую логику мирного развития и одновременно расширить область ее применения — он утверждает, что выдвинутые им инициативы поспособствуют экономическому развитию собственных китайских бедных западных территорий и многих других стран и что их развитие, в свою очередь, внесет вклад в укрепление стабильности и, главное, безопасности. Китайские лидеры всеми силами подчеркивают, что их страна, в отличие от Америки и европейских держав, никогда не будет претендовать на господствующее положение в мире — и именно политико-экономическая логика взаимной выгоды и недавние инициативы Китая являются лучшим подтверждением этих слов.

Парадигма мирного развития занимает центральное место в официальной внешнеполитической риторике Китая, но параллельно в стране разворачивается ряд важных дискуссий о проблемах и возможностях, которые уже возникают или возникнут в будущем в связи с расширением

Китайские лидеры подчеркивают, что их страна, в отличие от США и европейских держав, никогда не будет претендовать на господствующее положение в мире.

глобальных экономических связей. Так, китайские ученые, политические аналитики и представители власти активно обсуждают, как растущая взаимозависимость Китая и мировой экономики создает новые проблемы, связанные с защитой интересов страны и ее граждан за рубежом¹⁷. Не менее оживленные дебаты вызывает вопрос, сказывается ли — а если сказывается, то каким образом — рост богатства и экономического потенциала Китая на его региональном, международном, дипломатическом, военном и общем стратегическом влиянии¹⁸.

Невзирая на дискуссии и дебаты о проблемах, возникающих по мере увеличения богатства Китая и его взаимозависимости с мировой экономикой, руководители Китая продолжают выступать с масштабными инициативами по развитию экономики. Наряду с разрекламированными и широко обсуждаемыми «Один пояс — один путь» или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций можно назвать, например, обещание внести 1 млрд долларов в учрежденный под эгидой ООН Фонд мира и развития¹⁹. Некоторые китайские аналитики даже предполагают, что у масштабных китайских проектов, в первую очередь миротворческих миссий в Африке, существует концептуальная основа — полноценная теория мирного развития²⁰. После резонансных заявлений Си Цзиньпина о региональном и международном развитии как залого безопасности во всем мире количество сторонников этой точки зрения, без сомнения, увеличится.

Неоднозначный характер влияния Китая на международное развитие и безопасность

В целом парадигма мирного развития и геоэкономическая парадигма описывают два прямо противоположных представления о глобальной роли Китая, причем ни та ни другая не предлагают цельной картины «динамического взаимодействия» экономической и политической составляющих его международного влияния²¹. Неполющенность обеих парадигм становится очевидной после обзора отношений Китая с разными странами и регионами, которые описываются сложными, часто противоречащими друг другу моделями экономических, политических и геостратегических связей. Различия между моделями лишний раз подчеркивают, что послышки, лежащие в основе обеих парадигм, и вытекающие из них ожидания чрезмерно упрощены и односторонни. Соответственно, для лучшего понимания вопроса необходим новый взгляд, способный преодолеть понятийную и бюрократическую зашоренность.

Китай и его соседи

Пример Юго-Восточной Азии лучше всего показывает, что прочные торговые, инвестиционные и финансовые связи Китая не гарантируют роста его политического влияния и не исключают увеличения геополитической и военной напряженности. Экономическая взаимозависимость не обеспечивает Китаю дружественных, комфортных отношений ни с одним из соседей, за исключением, может быть, Камбоджи. Еще до того, как Китай выступил с инициативой «Один пояс — один путь» и учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, он продвигал идеалистическое видение Азии как «сообщества общей судьбы», основанного в значительной степени на экономической взаимозависимости стран региона²². При этом что укрепление этой взаимозависимости сопровождалось углублением противоречий в сфере безопасности, а также обвинениями в экспансии в Южно-Китайском море, которые выдвигали против Китая Филиппины и Вьетнам.

Даже страны вроде Мьянмы, которые стоят в стороне от конфликта вокруг морской акватории, а еще несколько лет назад находились в сфере китайского экономического — а значит, и стратегического — притяжения, теперь стремятся выйти из него, дабы избавиться от крепнущего ощущения экономической и политической зависимости. Кроме того, увеличив свою роль в качестве регионального валютно-финансового центра, Китай так, по всей видимости, и не получил достаточных структурных полномочий, чтобы задавать тон в финансовых отношениях с соседними странами и с остальным миром²³. Если вкратце, то парадигма мирного развития чересчур оптимистически оценивает возможности экономических связей нейтрализовать проблемы безопасности, такие как противоречия по Южно-Китайскому морю; тогда как геоэкономическая парадигма ведет к завышенной оценке способности Китая оказывать политическое влияние на страны Юго-Восточной Азии.

В Центральной и Южной Азии, связи с государствами которых у Китая традиционно слабее, китайские инфраструктурные инициативы привлекают повышенное внимание из-за своих возможных геостратегических последствий. Порой звучит мнение (безосновательное с точки зрения Китая), что инициатива «Один пояс — один путь» может стать современным аналогом плана Маршалла, а реализация в ее рамках грандиозных инфраструктурных проектов вместе с попутной активизацией торговли и инвестиций дадут основание для укрепления лидерства и влияния Китая²⁴. Пекин делает основной акцент на предполагаемое положительное воздействие этой инициативы на международное и внутреннее экономическое развитие, но при этом и китайские руководители, и представители академических кругов подчеркивают, что у благоприятных перемен в экономике может быть дополнительный эффект — возможность частично или полностью разрешить давние проблемы с без-

Значительную роль в отношениях Китая с некоторыми из соседних стран играют энергетические ресурсы.

опасностью в таких местах, как Афганистан. Пока, впрочем, не вполне ясно, как будут связаны между собой «Один пояс — один путь» и возглавляемые Китаем организации в сфере безопасности, такие, например, как Шанхайская организация сотрудничества.

Значительную роль в отношениях Китая с некоторыми из соседних стран, в частности с Россией, играют энергетические ресурсы. Именно растущим поставкам нефти и газа отводится центральное место в обсуждении нового стратегического партнерства Китая и России, но при этом существующие разногласия по вопросам ценообразования и финансирования проектов указывают на более глубокие проблемы исторического и географического характера, которые мешают созданию нового китайско-российского политического блока²⁵.

Публично приветствуя перспективы развития торговли и инвестиций, такие региональные державы, как Россия и Индия, опасаются, что инициатива «Один пояс — один путь», а также другие инструменты расширения китайского влияния в Южной и Центральной Азии заденут их собственные интересы и сферы влияния. Так, многие в России и странах Центральной Азии обеспокоены тем, что, выдвигая грандиозные инициативы экономического развития в регионе, Китай пренебрегает созданием инфраструктуры безопасности. Индия опасается, что благодаря строительству и развитию в Южной Азии портов потенциально двойного назначения, в частности порта Гвадар в Пакистане, Китаю будет проще нарастить свое военно-морское присутствие в Индийском океане и Бенгальском заливе²⁶. Кроме того, очевидно, что инфраструктурные проекты Китая — как новые, так и уже реализующиеся, связанные со строительством мостов, плотин, железных дорог и портов, — могут вызвать негативную реакцию на местах. Вполне возможно, что эти инфраструктурные проекты будут восприниматься как выгодные только Китаю, но не выгодные стране или местным общинам. Это хорошо видно на примере попыток Китая реконструировать и расширить порт Коломбо на Шри-Ланке. Кроме того, очевидно, что китайские односторонние и многосторонние проекты развития почти наверняка повлекут за собой целый ряд последствий в сфере экономики, политики и безопасности.

До сих пор суммарное экономическое и геополитическое влияние новых китайских инициатив на положение в Южной и Центральной Азии чаще становилось предметом спекуляций, чем вдумчивого исследования и анализа. Сложившиеся связи Китая в области торговли, инвестиций и финансов демонстрируют взаимозависимость, способную как отталкивать, так и привлекать его партнеров. Для описания этих сложных тенденций и выбора правильной реакции на них необходимы новые аналитический инструментарий и методология.

Неопределенность ситуации отражают и отношения Китая с северо-восточными соседями. Ни Южная Корея, ни Япония не превратились в политический или геостратегический сателлит Китая, несмотря на глубокую экономическую взаимозависимость, на торговые и инвестиционные связи. При этом не исключено, что если бы таких связей не было, японо-китайские отношения ухудшились бы еще сильнее или так бы и не смогли стабилизироваться. В то же время существует пример Северной Кореи — ее экономическая зависимость от Китая не обеспечивает послушания теряющему терпение союзнику и, как показывают проведенные Пхеньяном в сентябре 2016 года ядерные испытания, не способствует укреплению безопасности в регионе²⁷. Официальная логика мирного развития, очевидно, не сработала в ситуации северокорейской автаркии, а экономические связи не гарантировали Китаю, что он сможет влиять на союзника. Даже при таком беглом взгляде на отношения Китая с его северо-восточными соседями становится понятно, что ни парадигма мирного развития, ни геоэкономическая парадигма не объясняют природу китайского влияния, региональных противоречий и угроз безопасности.

Китай, Соединенные Штаты и Европа

Несмотря на географическую отдаленность, многие наблюдатели в Соединенных Штатах и Европе проявляют интерес не только к недавним экономическим инициативам Китая, но и, шире, к вопросу о том, как соотносятся между собой его международные экономические связи и геополитические притязания. Наиболее воинственно настроенные представители американских политических, экспертных и академических кругов критикуют традиционную приверженность США мирному деловому сотрудничеству с Китаем, они утверждают, что такое сотрудничество способствует превращению Китая в стратегического соперника Соединенных Штатов²⁸. Те, кто всерьез озабочен китайской экспансией в Южно-Китайском море и связанной с ней военной напряженностью между США и Китаем в этом регионе, не верят в искренность китайских заверений о мирном развитии.

Если рассматривать отношения Китая, США и в меньшей степени Европейского союза (ЕС) в более широком смысле, становится очевидным, что прочные взаимозависимые торговые и инвестиционные связи не исключают эпизодов геополитического соперничества и политической напряженности в Азии и за ее пределами. Так, недавно, с замедлением темпов роста китайской экономики и началом изменения модели ее развития, у Китая возникли торговые трения одновременно с ЕС и Соединенными Штатами из-за перепроизводства стали. Подобные конфликты укрепляют позиции тех, кто выступает против признания странами — членами ВТО рыночного статуса китайской экономики. Кроме того, в ЕС и США возникают вопросы, связанные с международ-

ными экономическими организациями: не стремится ли Китай путем создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и осуществления других инициатив регионального развития подорвать такие существующие институты, как, например, Всемирный банк и Азиатский банк развития. Многие страны ЕС присоединились к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, США этого делать не стали и призывали союзников следовать своему примеру. И все же вопрос о том, кто устанавливает правила управления мировой экономикой, по-прежнему исключительно важен для государственных лидеров по обе стороны Атлантики. Таким образом, вопреки китайской риторике мирного развития, взаимозависимость экономик как минимум не смогла гарантировать Китаю гладкого и беспроблемного развития отношений ни с Соединенными Штатами, ни с ЕС.

Однако и меркантилистская геоэкономическая парадигма, которая пользуется известной популярностью в США и Европе, подкреплена на удивление малым числом примеров прямой или хотя бы косвенной зависимости геополитического влияния Китая от его международных экономических связей. Во всяком случае, дискуссия о валютной политике Китая или его авуарах в долларах и долгосрочных казначейских облигациях США показывает, что его меркантилистская по сути политика не соответствует представлениям о глубокой торговой и финансовой взаимозависимости Китая и США. Китай использует вопрос допуска на свой рынок в качестве рычага при переговорах с Соединенными Штатами и ЕС, но и западные чиновники и компании тоже активно пытаются с помощью законов, стандартов и торговых соглашений регулировать правила игры, так что Китаю и китайским компаниям приходится им следовать. Наконец, в отсутствие прочных экономических связей и взаимозависимости между Китаем с одной стороны и Соединенными Штатами и Европой с другой стратегическая напряженность могла бы быть острее, чем сейчас, а пространство для переговоров — уже.

Китай и развивающиеся страны

СМИ в основном уделяют внимание непростым отношениям Китая с соседями или с великими державами вроде Соединенных Штатов, а между тем динамика китайских международных экономических и политических отношений меняется — все более важную роль во внешней политике Китая играют связи с развивающимися странами Африки и Латинской Америки. Эти отношения расширяются с начала 2000-х годов по мере того, как в Китае растет спрос на минеральные, энергетические и сельскохозяйственные ресурсы, а представители китайских бизнес-кругов пытаются использовать экономические возможности развивающихся рынков. Одновременно расширение торговых, финансовых и инвестиционных связей с обоими регионами стимулирует интерес к дипломатии по линии

«Юг — юг», а также к новым многосторонним форумам, таким как, например, БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка).

Как минимум пока шел сырьевой бум (примерно с 2003 по 2013 год), центральное место в китайских отношениях с развивающимися странами отводилось логике и потенциалу парадигмы мирного развития. В китайских «белых книгах» неоднократно подчеркивалось, что крепнущие экономические связи с Африкой и Латинской Америкой воплощают взаимовыгодные отношения, основанные не только на экономическом, но и дипломатическом и политическом сотрудничестве, кардинально отличающиеся от отношений зависимости и неравноправия, которые исторически ассоциируются с Европой и США²⁹.

При этом с позиций геоэкономики основанные на поставках сырья отношения Китая с южноамериканскими и африканскими стратегическими партнерами прекрасно иллюстрируют меркантилистское стремление Китая обеспечить себя природными ресурсами и расширить свое геополитическое влияние³⁰. Кроме того, споры вызывают и китайские программы помощи африканским странам — многие из них не отвечают установленным Организацией экономического сотрудничества и развития стандартам в области финансовой отчетности и управления, а также масштабные проекты межгосударственного кредитования на цели развития — они отодвигают на задний план программы Всемирного банка и региональных банков³¹. У других наблюдателей беспокойство вызывает не столько расширение экономических и дипломатических связей Китая, сколько вероятность того, что Китай успешно экспортирует в страны Африки и Латинской Америки нелиберальную модель политического и экономического развития, уже прозванную «пекинским консенсусом»³².

Более детальное рассмотрение экономических отношений Китая с Африкой и Латинской Америкой ставит под вопрос оба описанных подхода. Статистика, иллюстрирующая быстрое наращивание Китаем коммерческих связей с африканскими и южноамериканскими странами, зачастую весьма впечатляющая, но при этом политические и, шире, геостратегические последствия не столь очевидны. Китай и многие его новоприобретенные торговые и инвестиционные партнеры из числа развивающихся стран обычно приветствуют китайскую экономическую экспансию. Однако сами по себе Африка и Латинская Америка очень неоднородны — экономические связи с Китаем сулят странам этих регионов очень разные перспективы и проблемы. Это относится даже к тем государствам, которые в начале 2000-х годов резко нарастили экспорт сырья в Китай, таким как Ангола с Замбией и Аргентина с Чили. Представителей власти и бизнеса в этих странах, а также международные организации вроде Экономической комиссии ООН по странам

Все более важную роль во внешней политике Китая играют связи с развивающимися странами Африки и Латинской Америки.

Латинской Америки и Карибского бассейна беспокоит углубление или возобновление их зависимости от сырьевого экспорта³³. У стран, которые, как, например, Мексика, не имеют возможности экспортировать сырье, в торговле с Китаем сложился внушительный дисбаланс. Потоки китайской помощи, кредитов и прямых иностранных инвестиций, сопровождавшие торговый бум, вызвали в развивающихся странах смешанное ощущение энтузиазма и тревоги.

В сферах безопасности и геополитики складывается не менее сложная картина. В Африке военное присутствие и влияние Китая до сих пор было более заметным, чем в Латинской Америке: он принимал участие в миротворческих миссиях ООН, в 2011 году эвакуировал десятки тысяч своих граждан из Ливии, а недавно заявил о планах строительства в Джибути первой зарубежной военной базы³⁴. И хотя стремительное расширение связей Китая с Латинской Америкой в значительной степени было обусловлено сырьевым бумом, оно попало в поле зрения спецслужб США и американских специалистов в области безопасности³⁵. Помимо подобных случаев, непосредственно связанных с вопросами безопасности, есть и другие ситуации: например, все больше осложняющиеся отношения Китая с Венесуэлой демонстрируют, что связи, формально основанные на коммерческих интересах, с одной стороны, влияют на местную популистскую политику, а с другой — испытывают на себе ее воздействие³⁶.

Вопреки риторике мирного развития, Китай, по всей видимости, не сумел ни обеспечить соблюдения экономических интересов и интересов безопасности африканских и южноамериканских стран, ни способствовать их стабильному процветанию. Более того, конец сырьевого бума, сопровождающийся снижением китайского спроса на сырьевые товары и падением цен на них (что стало тяжелым ударом для многих партнеров Китая в Африке и Латинской Америке), ставит под вопрос способность Китая сохранить на прежнем уровне свое экономическое и дипломатическое присутствие в этих регионах. Теперь и в ближайшие годы, когда сырьевой бум закончился и, соответственно, замедлились темпы роста китайской экономики, одна из самых важных и сложных проблем, которые встают перед Китаем и международным сообществом, — урегулирование отношений с развивающимися странами Африки, Латинской Америки и других регионов в вопросах экономики, политики и безопасности.

Энергетические связи с Ближним Востоком

Ближний Восток также переживает бурный рост сырьевых связей с Китаем, для которого он стал главным поставщиком нефти. Последние 20 лет зависимость Китая от импорта углеводородов настолько выросла, что вызывает внутри страны дискуссии об энергетической безопасности, главным образом обсуждаются вопросы диверсификации источников поставок и надежность транспортировок. Отношения Китая и Ближнего

Востока в области энергетики дают представление о том, насколько разнообразны и отчасти противоречивы сложные взаимосвязи между глобальными рынками и геополитикой.

Растущая зависимость Китая от поставок ближневосточных нефти и газа ставит вопрос, намерен ли Китай активизировать свою роль в политическом урегулировании и обеспечении безопасности в этом сложном и все более нестабильном регионе. Обсуждается главным образом, почему Китай не хочет или не может, во всяком случае пока, приложить больше усилий к поискам ответов на серьезные вызовы безопасности, которых становится все больше. Как без обиняков выразился один из ближневосточных политических аналитиков, «в целом у Китая не было возможности развивать стратегические отношения ни с одной из стран Ближнего Востока. Он придерживался политики выжидания, невмешательства, бездействия и отстранения от ближневосточных конфликтов, полностью сосредоточившись на импорте энергоносителей и ограниченной торговле»³⁷.

Основанные на поставках сырья экономические связи со странами Ближнего Востока не переросли ни в плодотворные стратегические отношения, ни в явное и стабильное усиление позиций Китая в регионе. Даже тесные торговые и инвестиционные отношения с Ираном в то время, когда тот находился под санкциями, не гарантируют Пекину какого-то особого коммерческого или политического влияния на Тегеран. При этом зависимость Китая от импорта ископаемого топлива почти наверняка продолжит расти, вместе с ней еще большую остроту приобретут вопросы обеспечения безопасности источников и путей поставок, а также вовлеченности Китая в сложные хронические проблемы безопасности в регионе. Все это лишь подтверждает, что китайско-ближневосточные связи будут по-прежнему чрезвычайно важны для понимания экономического и геополитического аспектов увеличения глобальной роли Китая.

Недостатки существующих парадигм

Из приведенных кратких характеристик отношений Китая с соседями, с признанными державами вроде Соединенных Штатов, с развивающимися странами и торговыми партнерами, располагающими большими сырьевыми запасами, складывается представление о сложной политико-экономической системе китайских международных отношений. Очевидно, что две существующие парадигмы — геоэкономическая и мирного развития — не способны охватить все экономические и политические интересы, а также вопросы безопасности, в результате взаимодействия которых возникают международные инициативы и связи Китая, якобы преследующие сугубо экономические цели. Кроме того, эти парадигмы не объясняют, как значимые изменения в экономике (вро-

де окончания сырьевого бума) и политике (такие, как закат левого популизма в Латинской Америке) могут повлиять на существующие модели китайских международных отношений.

Обе парадигмы плохи. Парадигма мирного развития в лучшем случае грешит чрезмерными оптимизмом и экономическим детерминизмом, а в худшем — подрывает репутацию Китая как пропагандистское прикрытие геополитических устремлений, продиктованных соображениями реальной политики³⁸. Что касается геоэкономической парадигмы, то она переоценивает способность Китая ставить перед собой геостратегические цели и добиваться их, умело воздействуя на внутренний и международный рынки и на субъектов внутренней и внешней политики³⁹. Неожиданным образом эти парадигмы роднит склонность без особых на то оснований приписывать китайской внешней политике дополнительные качества — доброжелательность (в случае парадигмы мирного развития) либо стратегическую прозорливость (в случае геоэкономической парадигмы). Таким образом, обе господствующие теории политэкономии международных отношений Китая являются ограниченными, косными и оторванными от действительности.

На пути к пониманию политической экономии международных отношений Китая

Что же делать, если плохи господствующие теории? Первым делом надо признать их недостатки. Сделать это не так просто, поскольку обе парадигмы политизированы и служат интересам определенных групп. Парадигма мирного развития отражает официальную политику Коммунистической партии Китая и играет первостепенную роль в государственной пропаганде и дипломатии. Поэтому она пользуется сильной поддержкой в академических и внешнеполитических кругах, даже при том что не все их представители ее полностью разделяют. Тем временем геоэкономической парадигмы придерживаются преимущественно политические оппоненты Китая, встревоженные его экспансией и ростом влияния в мире. Настолько прочно укоренившиеся и политизированные концепции непросто сбросить со счетов. Но признать их недостатки чрезвычайно важно, поскольку ошибочные политэкономические подходы могут вызвать рост напряженности по мере того, как глобальная роль Китая будет увеличиваться.

На более общем уровне эти парадигмы отражают давнишнее разделение между экономическим и геополитическим подходами к теории и практике международных отношений. Они — результат традиционного и излишне упрощенного понимания того, как соотносятся между

собой богатство и бедность (в случае с геоэкономической парадигмой) и развитие и безопасность (в случае с парадигмой мирного развития).

Такие недостатки отражают «эффект силосной башни» — так журналист и социолог Джиллиан Тетт назвала идейную обособленность в пределах отдельных групп во властных, академических и деловых кругах, чреватую «зашоренностью и уходом от действительности», которые могут, в свою очередь, приводить к принятию неверных решений и нежелательным политическим последствиям⁴⁰. Недостатки геоэкономической парадигмы и парадигмы мирного развития как раз и связаны с узостью мышления и закрытостью описанных групп, с тем, что они варятся в собственном соку. Однако «эффект силосной башни» распространяется не только на представления о международной политэкономии Китая — его проявления можно увидеть в работе разнообразных институций и в самой стране, и в остальном мире.

Часто этот эффект отражается в организационной структуре. Например, в дипломатической службе США такие группы исторически носят название конусов — сотрудники распределяются по ним в соответствии со своей специализацией: политической, экономической или какой-то еще. На факультетах политических наук американских университетов международными отношениями обычно занимаются специалисты по международной безопасности и по международной политической экономии, причем поощряется узкая специализация. По словам директора одного из самых уважаемых в Европе центров по исследованию международно-политических проблем, в западной китаистике «в общем и целом существует четкое разделение сфер экономики, политики и безопасности»⁴¹.

Так же они разделены и в китайских академических учреждениях и политических институциях. В Китае связь между экономикой и политикой не только не рассматривают отдельно — ее считают либо само собой разумеющейся, либо принадлежащей официальной марксистской идеологии и риторике, — но и в целом придают изучению международной политической экономии второстепенное значение по сравнению с теорией международных отношений и вопросами безопасности⁴². На научных конференциях и политических саммитах с участием представителей Китая и других стран, посвященных китайской внешней политике, можно заметить, что эксперты и организации распадаются на два лагеря — одни занимаются вопросами экономики и бизнеса, другие специализируются на геополитике и безопасности. Такое разделение по принципу приверженности определенной организации или традиции — академической либо бюрократической — особенно бросается в глаза на многочисленных мероприятиях, посвященных инициативе «Один по-

Обе господствующие теории политэкономии международных отношений Китая являются косными и оторванными от действительности.

яс — один путь», изначально имеющей двойную, экономическую и геополитическую, направленность.

Чтобы лучше понимать процессы, связанные с усилением роли Китая в мире, и адекватно реагировать на них, необходимо признать эффект искусственности разделения политики и экономики и нейтрализовать его. Необходимо разрушить барьеры, которые в политических и научных кругах разделяют экономический, политический и геостратегический подходы.

Между богатством и могуществом, развитием и безопасностью не существует безусловной зависимости, и нет простых законов, которые помогли бы разобраться в сложном переплетении экономических и политических факторов, формирующих отношения Китая с остальным миром. В первые десятилетия XX века экономика Соединенных Штатов была, бесспорно, крупнейшей в мире, но до конца Второй мировой войны у США не было желания или возможности влиять на международную политику сообразно статусу своей экономики⁴³. Так что мысль об отсутствии прямой зависимости между богатством страны и ее международным могуществом не должна вызывать удивления.

Преодолеть эффект разобщенности в анализе будет непросто, но сейчас для этого самое подходящее время. Китай находится на перепутье — и во внутренней, и в международной политике, это дает возможность снять существующие барьеры. Внутри страны Китай проходит крайне трудную, но необходимую трансформацию модели экономического развития, чтобы избежать так называемой ловушки среднего дохода. При этом встают серьезнейшие экономические, социальные и политические вызовы, и в поиске ответов на них Китай обращается за советом и сотрудничеством к кому только может. В международной сфере Си Цзиньпин активизирует внешнеэкономическую дипломатию, выдвигает все новые инициативы и создает новые институты, что чревато как высокими рисками, так и значительными выигрышами. Наконец, нащупав связь между внутренними и внешними вызовами и инициативами, можно будет ответить на вопрос, как стремление Китая к богатству и могуществу, в рамках которого он пытается, в частности, объединить вопросы развития и безопасности, скажется на самой этой стране и на мире в целом.

В продолжение темы благоприятного момента и открывшихся возможностей необходимо сказать, что сам Си Цзиньпин связал официальный внешнеполитический подход и политику Китая с признанием взаимозависимости между экономическим развитием с одной стороны и стабильностью и безопасностью с другой. В марте 2014 года он заявил на конференции по безопасности в Азии, что «развитие — это основа безопасности, а безопасность — необходимая предпосылка развития»⁴⁴. Однако напомним, что, как показал наш анализ, невозможно описать происходящее, опираясь только на модель мирного развития.

Утверждение Си Цзиньпина предлагает — а по сути, констатирует необходимость — тщательно обдумать: что такое экономическое развитие и каким оно должно быть; что понимается под безопасностью и стабильностью; как они связаны сейчас и как должны быть связаны в дальнейшем. Долгие годы в китайском руководстве считали, что развитие национальной экономики и социальная стабильность нераздельно связаны между собой — теперь это представление распространяется и на внешнюю политику Китая. При этом мало кто в Китае и в мире анализировал логическую посылку, в которой развитие приравнивается к стабильности и безопасности, и то, насколько эта посылка реализуема, особенно за пределами Китая. Найти способ осмыслить подобные вопросы и претворять теоретические послы в жизнь — важнейшая отправная точка в формировании нового подхода.

Все это должно подтолкнуть представителей правительственных и неправительственных организаций к анализу ключевых аспектов темы развития и безопасности и к обсуждению их с представителями власти, учеными и гражданами Китая. В Соединенных Штатах благодаря академическим, неправительственным, государственным и коммерческим организациям уже давно сформировался междисциплинарный интеллектуальный и политический экспертный потенциал, позволяющий находить общий язык с остальным миром. Перед Китаем тоже встает необходимость накопления человеческих и организационных ресурсов, которые бы позволили ему лучше понимать мир по ту сторону границ и увереннее прокладывать себе в нем путь. Сочетание опыта, который есть у Запада, и насущной необходимости у Китая открывает благоприятные перспективы для сотрудничества и формирования нового способа мышления.

Начаться сотрудничество может с усиления междисциплинарной составляющей в изучении роли, которую играет Китай в современном мире. Научные аналитические центры и академические исследовательские организации могут активизировать и расширить работу, которая уже идет в области политической экономики в целом и международной политической экономики в частности. Далее необходимо следить за тем, чтобы каналы связи не обрывались, чтобы результаты исследований в разных областях — политической экономики, международной безопасности и регионоведения — взаимно дополняли и обогащали друг друга. Кроме того, политикам и аналитикам очень бы пригодилось полноценное научное исследование сложных взаимозависимых аспектов увеличения роли Китая в международной экономике и политике. Китаю, как и любой другой стране, было бы полезно расширить качественные исследования в сфере международной политической экономики и связан-

Перед Китаем встает необходимость накопления человеческих и организационных ресурсов, которые бы позволили ему лучше понимать мир по ту сторону границ.

Опыт сотрудничества США и КНР в сфере энергетики и изменения климата можно применить к широкому спектру проблем.

ных с ней вопросов безопасности, объединив их с уже действующими программами изучения международных отношений. Отправным пунктом или начальной задачей для китайских и западных специалистов по международной политической экономии может стать анализ следующей

ситуации: как в связи с окончанием всемирного сырьевого бума и сменой модели экономического развития Китая изменятся его отношения с богатыми природными ресурсами развивающимися странами и какова будет в этих странах динамика корреляции между развитием и безопасностью.

Такого рода исследования в области международной политической экономии в свое время уже принесли положительные результаты. Как область научного знания международная политическая экономия возникла в 1970-е годы на волне стремительных перемен на международных энергетических рынках и растущих тревог (а также надежд) в связи с ослаблением американского господства в мире. Отчасти ее появление было реакцией на непродуктивность и косность узкоспециального подхода в науке и политике, в соответствии с которым так называемая высокая политика, занимавшаяся такими темами, как международные альянсы и ядерная безопасность, была отделена от так называемой низкой политики, ведавшей торговлей, финансами и прочей внешнеэкономической рутинной. Появившись, международная политическая экономия не осталась запертой в университетских стенах: в 70-е годы лучшие американские специалисты в этой сфере занялись важными практическими вопросами международной экономики и политики, такими, например, как внешнеполитические аспекты регулирования деятельности транснациональных корпораций. Некоторые из этих специалистов, в частности Джозеф Най и Стивен Краснер, впоследствии работали в правительстве. Международное положение, в котором находились Соединенные Штаты в 70-е годы, чем-то напоминает современную китайскую ситуацию — китайские компании стремятся на зарубежные рынки, рынок энергоресурсов нестабилен, а тема относительного ослабления США по-прежнему актуальна. При этом выработанные в 70-е подходы и научный инструментарий к китайской ситуации практически не применяются; необходимо это изменить.

Что касается научных аналитических центров и подобных им организаций, то некоторые из них уже начали исследования и запустили программы, которые могут быть в дальнейшем расширены. Из тех, кто в сотрудничестве с Китаем уже приступил к важному детализированному исследованию проблем развития и безопасности как взаимосвязанных аспектов роста китайского влияния в мире, можно назвать Стокгольмский институт исследования проблем мира и Американский комитет Друзей на службе обществу⁴⁵. Кроме того, многие китайские

университеты и все больше аналитических центров, не говоря уже о представителях бизнеса и власти, заявляют о готовности сотрудничать и принять помощь в формировании подхода к пониманию внешнего мира и взаимодействию с ним. Западные академические учреждения и неправительственные организации с опытом исследований в области регионоведения и международного развития должны искать новые формы партнерства с Китаем для совместного изучения связей между развитием и безопасностью⁴⁶ — с тем, чтобы уделить основное внимание странам и регионам, где есть серьезные проблемы с тем и другим. Таким, например, как Камбоджа с Лаосом и Мьянмой в Юго-Восточной Азии и Афганистан с Пакистаном в Центральной.

Международным организациям также отведена роль. У таких институтов, как Всемирный банк и его региональные аналоги вроде Азиатского банка развития, есть большой, заработанный тяжелым трудом опыт финансирования и администрирования природоохранных и социальных составляющих крупных инфраструктурных проектов. Этот опыт может оказаться полезным для плодотворного сотрудничества с Китаем, который осуществляет подобные проекты по всему миру. Более того, начало такому сотрудничеству положено: Всемирный банк и Азиатский банк развития уже договорились о совместном с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций финансировании ряда проектов⁴⁷. Китай также заявил о своей заинтересованности во взаимодействии с ООН при посредничестве недавно учрежденного под эгидой этой организации Фонда мира и развития. Это открывает дополнительные возможности для сотрудничества с Китаем в исследовании взаимосвязей между развитием и безопасностью⁴⁸.

Задействованы должны быть также и прямые межгосударственные отношения США и Китая. Существующий формат ежегодных встреч в рамках Стратегического и экономического диалога между Китаем и США может превратиться в ключевую площадку для обсуждения пресечений экономических вопросов с одной стороны и вопросов безопасности и политики с другой. Но пока даже в рамках стратегического и экономического диалога экономические департаменты стараются дистанцироваться от тех, кто специализируется на проблемах безопасности.

Необходимо найти способы заниматься напрямую точками, в которых эти направления пересекаются с областью компетенции той или иной институции. Можно, например, попытаться применить недавний успешный опыт американо-китайского сотрудничества в сфере энергетики и изменения климата к более широкому спектру проблем и использовать его для углубления сотрудничества. Полезно также было бы поделиться опытом регулирования деятельности транснациональных корпораций, в том числе в вопросах охраны окружающей среды, соблюдения трудового законодательства и противодействия коррупции — эти

темы актуальны для Китая прежде всего в связи ростом международных инвестиций китайского бизнеса. Все больше представителей китайских властей и бизнеса считают, что в такого рода вопросах следует разбираться, причем руководствуются эти люди разными соображениями — принципами социальной ответственности бизнеса или оценкой политических рисков. Опираясь на свой богатый опыт, США и многие европейские страны могли бы поделиться с Китаем навыками вложения и управления внешними прямыми иностранными инвестициями, убедить китайских партнеров в том, что поведение транснациональных корпораций — дело национальной важности, заслуживающее самого пристального внимания со стороны государства и общества. Перечисленные шаги могут послужить отправной точкой для выработки более полного и детального понимания природы роста международного влияния Китая, особенно в том, что касается динамического взаимодействия между могуществом и богатством в целом и экономическим развитием и безопасностью в частности.

Заключение

Скорее всего, экономическое развитие и в дальнейшем будет занимать почетное место в экономической и внешней политике Китая, но не стоит забывать, что оно всегда влечет за собой социальные и политические перемены и вызовы. В условиях, когда модель развития и политика Китая меняются, когда они находятся под влиянием других стран, международных институтов и событий, на которые они в свою очередь тоже воздействуют, особенно важно найти способы понимания этих процессов. Узким, зашоренным взглядом нельзя охватить сложную реальность. Не поняв, что происходит, невозможно адекватно отреагировать. Но благодаря новому подходу, не признающему преград, могут открыться самые неожиданные возможности. Необходим настоящий прорыв, чтобы осмыслить растущую роль Китая и понять, что перспективы мира и процветания не тают, а напротив, становятся все более реальными. Убедить в этом всех будет непросто, но, объединившись, силы, заинтересованные в изменении международной роли Китая, смогут справиться с этой задачей.

Примечания

- 1 См.: *Gilpin R.* U.S. Power and the Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment. — Basic Books. — 1975. — P. 43.
- 2 China Eclipses U.S. as Biggest Trading Nation. — Bloomberg News. — 2013. — February 10 // <http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-02-09/china-passes-u-s-to-become-the-world-s-biggest-trading-nation>.
- 3 *Shirk S. L.* China: Fragile Superpower. — Oxford University Press. — 2007 // <https://www.amazon.com/China-Superpower-Susan-L-Shirk/dp/0195373197>; *Shambaugh D.* China Goes Global. — Oxford University Press. — 2013 // <https://www.amazon.com/China-Goes-Global-Partial-Power/dp/0199361037>.
- 4 *Jacques M.* When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. 2nd ed. — Penguin Group. — 2009 // <https://www.amazon.com/When-China-Rules-World-Western/dp/0143118005>.
- 5 См.: *Harding H.* Has U.S. China Policy Failed? — *Washington Quarterly* 38. — 2015. — № 3. — P. 95–122.
- 6 *Blackwill R. D., Harris J. M.* War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. — Harvard University Press. — 2016. — P. 20.
- 7 См., например: *Drezner D. W.* The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. — Cambridge University Press. — 1999.
- 8 *Chellaney B.* Upholding the Asian Order. — Project Syndicate. — 2016. — January 22 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/asian-powers-cooperation-for-regional-order-by-brahma-chellaney-2016-01?barrier=true>.
- 9 См.: *Blackwill, Harris.* War By Other Means... и *Blackwill R. D., Tellis A. J.* Revising U.S. Grand Strategy Toward China. — Council Special Report. — № 72. — Council on Foreign Relations. — 2015. — March.
- 10 Global Agenda Council on Geo-Economics. — Geo-Economics With Chinese Characteristics: How China's Economic Might Is Reshaping World Politics. — World Economic Forum. — 2016. — January 2016 // http://www3.weforum.org/docs/WEF_Geoeconomics_with_Chinese_Characteristics.pdf.
- 11 Там же.
- 12 См.: *Mattlin M., Wigell M.* Geoeconomics in the Context of Restive Regional Powers. — *Asia Europe Journal* 14. — № 2. — 2016. — June.
- 13 *Fernandez A.* Brazil Wants 'New Phase' With China: Rousseff. — *China Post*. — 2011. — April 14 // <http://www.chinapost.com.tw/international/americas/2011/04/14/298617/Brazil-wants.htm>.
- 14 Information Office of the State Council. — China's Peaceful Development. — State Council of the People's Republic of China. — 2011. — September 2011 // http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm.

- 15 *Ferchen M.* How New and Crafty Is China's 'New Economic Statecraft'? — Carnegie — Tsinghua Center for Global Policy. — 2016. — March 22 // http://carnegieendowment.org/files/How_New_and_How_Crafty_is_Chinas_New_Economic_Statecraft_CTC_Web_Version.rd2.pdf.
- 16 *Ferchen M.* China Keeps the Peace. — Foreign Affairs. — 2016. — March 8 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-03-08/china-keeps-peace>.
- 17 См.: *Parelllo-Plesner J., Duchâtel M.* China's Strong Arm: Protecting Citizens and Assets Abroad. — International Institute for Strategic Studies. — 2015.
- 18 См.: *Glosny M. A.* Chinese Assessments of China's Influence in Developing Asia. — Rising China's Influence in Developing Asia, ed. Evelyn Goh. — Oxford University Press. — 2016.
- 19 China Takes First Step in \$1 Billion Pledge to U.N. to Fund Peace, Development. — Reuters. — 2016. — May 6 // <http://www.reuters.com/article/us-china-un-idUSKCN0XX1YI>.
- 20 См.: *Xuejun W.* Developmental Peace: Understanding China's Africa Policy in Peace and Security. — Global Review, 2014.
- 21 *Gilpin.* U.S. Power.
- 22 См.: *Cook M.* Three Misunderstandings of China-ASEAN Economic Relations. — Knowledge@Wharton. — 2016. — March 10 // <http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/three-misunderstandings-of-china-asean-economic-relations/>.
- 23 См.: *Ciorciari J. D.* China's Influence in Asian Monetary Policy Affairs. — Rising China's Influence, ed. Goh.
- 24 *Shen S.* How China's 'Belt and Road' Compares to the Marshall Plan. — Diplomat. — 2016. — February 6 // <http://thediplomat.com/2016/02/how-chinas-belt-and-road-compares-to-the-marshall-plan/>.
- 25 *Gabuev A.* A Pivot to Nowhere: The Realities of Russia's Asia Policy. — Carnegie Moscow Center. — 2016. — April 22 // <http://carnegie.ru/commentary/2016/04/22/pivot-to-nowhere-realities-of-russia-s-asia-policy/ixfw>.
- 26 См.: Chinese Presence at Gwadar Port Is a Matter of Concern: Antony. — Hindu. — 2013. — February 9 // <http://www.thehindu.com/news/national/chinese-presence-at-gwadar-port-is-a-matter-of-concern-antony/article4386103.ece>; см. также: *Small A.* The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics. — Oxford University Press. — 2015.
- 27 *Fifield A.* North Korea Conducts Fifth Nuclear Test, Claims It Has Made Warheads With 'Higher Strike Power.' — Washington Post. — 2016. — September 9 // https://www.washingtonpost.com/world/north-korea-conducts-fifth-nuclear-test-as-regime-celebrates-national-holiday/2016/09/08/9332c01d-6921-4fe3-8f68-c611dc59f5a9_story.html.
- 28 См.: *Pillsbury M.* — The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. — Henry Holt. — 2015.
- 29 Information Office of the State Council. — China-Africa Economic and Trade Cooperation (2013) State Council of the People's Republic of China. — 2013. — August // http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986536.htm; Full Text: China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean. — Xinhua News Agency. — 2011. — November 5 // http://news.xinhuanet.com/english/2008-11/05/content_10308117.htm.
- 30 См.: *Zhongping F., Jing H.* China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging With a Changing World. — FRIDE European Strategic Partnership Observatory. — 2014. — June.

- 31 См.: *Naim M.* Rogue Aid. — *Foreign Policy*. — 2009. — October 15; см. также: *Dreher A. et al.* Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing From China to Africa. — *AidData*. — 2015. — October.
- 32 См.: *Ferchen M.* Whose China Model Is It Anyway? The Contentious Search for Consensus. — *Review of International Political Economy* 20. — № 2 (2013). — P. 390–420.
- 33 См.: *Ferchen M.* China-Latin America Relations: Long-Term Boon or Short-Term Boom? — *Chinese Journal of International Politics* 4. — № 1 (2011). — P. 55–86.
- 34 См.: *Parello-Plesner, Duchâtel.* China's Strong Arm.
- 35 См.: *Ellis R. E.* The Strategic Dimension of Chinese Engagement with Latin America. — William J. Perry Center for Hemisphere Defense Studies. — 2013.
- 36 *Olander E., Van Staden C.* Venezuela Is a Warning for Chinese Investment in Africa. — *World Post*. — 2016. — July 7 // http://www.huffingtonpost.com/entry/venezuela-china-investment-africa_us_5775ade3e4b04164640f6297.
- 37 Geo-Economics with Chinese Characteristics. — *World Economic Forum*.
- 38 См.: *Moore G.* It's Not Just Material: Politics, Culture and Ideas Might Drive China Into Confrontation. — *National Interest*. — 2016. — July 27 // <http://nationalinterest.org/feature/china-talks-about-harmony-feeds-global-disorder-17136>.
- 39 См.: *Ferchen M.* The Chinese Regulatory State Debate: Competing Models of China's State-Economy Relations, paper submitted to Cornell University Department of Government. — 2007. — Spring // https://www.academia.edu/5123828/_The_Chinese_Regulatory_State_Debate_Competing_Models_of_Chinas_State-Economy_Relations.
- 40 *Tett G.* The Silo Effect: The Peril of Expertise and the Promise of Breaking Down Barriers. — Simon and Schuster. — 2015. — P. 14.
- 41 См.: *Leonard M.* Geo-Economics with Chinese Characteristics. — *World Economic Forum*.
- 42 См., например: *Tianbiao Z., Pearson M.* Globalization and the Role of the State: Reflections on Chinese International and Comparative Political Economy Scholarship. — *Review of International Political Economy* 20. — № 6. — 2013. — P. 1215–43.
- 43 *Tooze A.* The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931. — Penguin. — 2014.
- 44 *Jinping X.* New Asian Security Concept for New Progress in Security Cooperation, speech given at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. — Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 2014. — May 21 // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml.
- 45 Стокгольмский институт исследования проблем мира запустил программу «Мир и развитие» (см.: *Peace and Development*. — SIPRI // <https://www.sipri.org/research/peace-and-development>), а Американский комитет Друзей на службе обществу — программу «Бизнес и мир» (China. — AFSC // <https://www.afsc.org/office/china>).
- 46 *Ferchen M.* China's Risk Analysis in Latin America. — Carnegie — Tsinghua Center for Global Policy. — 2013. — January 11 // <http://carnegietsinghua.org/publications/?fa=50578>.
- 47 О Всемирном банке см.: World Bank and AIIB Sign First Co-Financing Framework Agreement, press release. — World Bank. — 2016. — April 13 // <http://www>

.worldbank.org/en/news/press-release/2016/04/13/world-bank-and-aiib-sign-first-co-financing-framework-agreement; об Азиатском банке развития: ADB Approves First Cofinancing with AIIB for a Pakistan Road Project, press release. — 2016. — June 10 // <https://www.adb.org/news/adb-approves-first-cofinancing-aiib-pakistan-road-project>.

- 48 Xinhua News. China Signs Agreement With UN to Finance Peace, Security Activities. — People's Republic of China State Council. — 2016. — May 7 // http://english.gov.cn/news/top_news/2016/05/07/content_281475343697664.htm.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

**КИТАЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ: ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ**

Мэтт Ферчен

Редактура и корректура бюро ТХТ (www.txtburo.com)

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Фото на обложку: Getty

Формат 60х90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 4,5

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935-89-04

Факс: + 7 495 935-89-06

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru